

Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе)

А.В. Веретевская

Статья посвящена актуальной для современности проблеме неразделения мифического и реального в политике и политических исследованиях. Автор подчеркивает особую актуальность этой проблемы в контексте модерна, когда общества делают определяющий их дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие выбор, оказывая политическую поддержку предлагаемым политиками программам или “проектам” развития. Из-за свойственного эпохе модерна постоянного столкновения в политическом пространстве частных и общественного интересов, это пространство сильно замифологизировано. Взвешенный выбор в таких условиях очень затруднителен, что, в конечном итоге, оборачивается снижением способности общества адекватно управлять своим развитием. На примере европейского мифа о мультикультурализме в статье раскрывается, какими бывают последствия замифологизированности политического пространства: политический миф, искажая восприятие настоящего, способен повлиять на выбор будущего. В современный век соревновательного прогресса особенно важно должным образом оценить серьезность этой опасности и вовремя понять, что, независимо от того, насколько полезны могут быть политические мифы, настоятельно необходимо отделять их от реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический миф, мультикультурализм, Европа, интеграция.

ВЕРЕТЕВСКАЯ Анна Вячеславовна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

anna.veretevskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2017 г.

Цитирование: *Веретевская А.В.* Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 52–64.

Современное политическое пространство – пространство модерна – формируется при помощи новаторских политических “проектов”¹ его организации и развития. Проектный характер современного политического пространства, вероятно, может представляться с эволюционной точки зрения закономерным. Понятно, что модерн (по крайней мере, западный) “стоит на плечах” соответствующей традиционной культуры, это его основание, из которого он вырос и отсутствие которого (при попытках его воссоздать в иных культурных контекстах) приводит к известным всем, знакомым с теориями модернизации, трудностям.

Вероятная закономерность возникновения современного проектного подхода к организации и развитию политического пространства не делает автоматически

“закономерными” сами проекты. Все проекты модерна объединяет как раз их “незакономерность” в смысле неукорененности в существовавшем до их реализации традиционный для общества образ жизни. Более того, большая часть политических проектов модерна, таких как либеральная демократия, социалистическое государство или мультикультурный проект интеграционной политики, возникли не как продолжение традиции, а как альтернатива ей, став своего рода вызовом “естественному” течению жизни со стороны человеческой мысли, попыткой вмешаться, скорректировать политическую реальность.

В традиционных обществах традиционность политического порядка является основанием для его легитимности. В обществах современных (и их государствах), основным источником легитимности политического порядка становится убедительность аргументации в пользу *a priori* того проекта, на котором этот порядок будет основан. В некотором смысле поэтому мы живем сейчас в мире, о котором мечтал в своем “Государстве” Платон (Государство, 473d): политической повесткой дня современных обществ заведуют “философы”, в чью компетенцию, независимо от их конкретной профессии, входит умение убеждать общество в полезности того или иного проекта организации и развития политического пространства. В условиях отхода от традиции как источника легитимации политического порядка, основная ответственность за судьбу общества, его политическую состоятельность лежит на тех, кому удалось убедить общество в целесообразности реализации своего проекта. Среди стремящихся сформировать общественное мнение есть практики, т.е. политики (те, кого М. Вебер называл политиками по профессии [Вебер 1990]), и есть теоретики, т.е. политологи.

Представителям обеих категорий свойственно руководствоваться в своей профессиональной деятельности не только интересами общества. Понятно, что иногда выбор проекта для поддержки и продвижения объясняется не его общественной полезностью, но потенциальной личной выгодой от его реализации. Обозначающаяся тут проблема, которую можно назвать проблемой соотношения частного и общественного интереса в политической деятельности, для политической науки не нова (решение для нее, хотя и не популярное сегодня, предлагал еще в том же “Государстве” упомянутый уже здесь Платон). С этой старой проблемой, однако, тесно связана еще одна, которая, в отличие от первой, особенной актуальностью характеризуется именно в эпоху модерна. Эту проблему можно определить как проблему замифологизированности² политического пространства. Именно в современных условиях нерешенность этой проблемы может иметь особенно серьезные для общества последствия.

В условиях, когда выбор политического проекта производится обществом на основе убедительности аргументации в его пользу, а от успешности проекта полностью зависит личная (профессиональная, социальная и экономическая) успешность предлагающего, соблазн выставить проект в наилучшем свете любой ценой особенно велик. Политические проекты начинают обрастать популистскими “рекламными” мифами. В конечном итоге, политическое пространство оказывается “замифологизированным” настолько, что объективно разобраться в том, что на самом деле представляет собой реализация того или иного политического проекта и объективно оценить его, становится очень не просто. Различить, где заканчивается пространство реальности, а где начинается пространство мифа не под силу порой не только обывателю, профессиональные политики и даже ученые сталкиваются здесь с трудностями.

Попытки оценить политический проект без предварительного внимательного анализа на предмет того, что в нем реально, а что — часть созданной вокруг него мифологии, имеют следствием объективно неадекватные выводы и оценки. Восприятие их как объективных (научных) может иметь тяжелые последствия как для науки, так и для общества. Оказывающиеся при должном внимании неадекватными, такие выводы и оценки становятся частью политической аргументации, когда общество должно решать, какой из политических проектов предпочесть. Ведь, считая, что оно информировано и принимает взвешенное решение, общество на самом деле выбирает “в темноте”. Результатом такого выбора может стать необоснованный и контрпродуктивный, с точки зрения достижения

определенных обществом для своего развития целей, выбор. Общество может отказаться от одних, на самом деле перспективных, проектов и выбрать иные, объективно менее многообещающие, притом что позднее возможности изменить свое решение может не представиться.

Политическое пространство современных государств полнится мифами. Есть, однако, сюжеты, в отношении которых политическое мифотворчество по ряду причин особенно развито. Один из наиболее очевидных примеров в этом смысле – политика мультикультурализма в Европе. На этом примере можно рассмотреть, как происходит создание политического мифа и каковы могут быть последствия политического мифотворчества.

Как мультикультурализм попал в Европу

Сегодня проблема неинтегрированности иммигрантских меньшинств в ведущих европейских странах, таких как Германия, Франция или Великобритания, не вызывает острого научного интереса. То, что “виновата” в “столкновении цивилизаций” на европейской почве неудачная политика мультикультурализма, которую эти государства проводили в 1990–2000-е гг., фактическое общее место как современной публичной политики, так и политической науки.

На рубеже 2000–2010-х гг. очевидность провала мультикультурализма стала той редкой темой в европейской политике, по которой лидеры ведущих европейских государств выступили солидарно. См. [Кэмерон 2011; Меркель 2010; Саркози 2011]. Абсолютное большинство научных работ по данной проблематике, вышедших после известных выступлений европейских лидеров, также рассматривали (и продолжают рассматривать) провал мультикультурализма в Европе как данность [Kenan 2017; Williams 2016]. Непопулярность концепции сегодня настолько очевидна, что кажется абсолютной. В таком, абсолютном, виде эта “истина” передается обществу, где воспроизводится обыденным сознанием. Однако именно тогда, когда обыденное сознание “успокаивается”, найдя окончательный ответ на какой-то важный вопрос, сознание научное начинает сомневаться.

Термин “мультикультурализм” пришел в политологический и затем в политический дискурс из американской литературы³. Сами американцы достаточно осторожно отнеслись к воплощению концепции, постулировавшей равноценность культур. Идейный центр мультикультурализма быстро переместился в канадское интеллектуальное пространство и прочно там закрепился.

В Европу, однако, мультикультурализм пришел в 1970-е гг. как “американская” концепция, “приправленная” правым американским скептицизмом по поводу своей практической состоятельности [Chin 2017, 17]. В 1970-е гг. мультикультурализм начали обсуждать в качестве потенциально возможной модели организации взаимоотношений с этнокультурными меньшинствами в Великобритании. В Германии и Франции серьезные дебаты по поводу мультикультурализма начались несколько позднее, после скандала с романом “Сатанинские стихи” Салмана Рушди в 1988–1989 гг. [Ibid., 16].

По мнению Р. Чин, проявление в Европе мультикультурного дискурса ознаменовало собой начало новой “интеллектуальной моды” на проблематику разнообразия [Ibid., 17]. Размышляя о целесообразности использования мультикультурного подхода, европейцы начали приводить аргументы в пользу того, что поддержка разнообразия в обществе может рассматриваться как одна из основополагающих европейских ценностей.

Вероятно, с этими тенденциями интеллектуальной моды связано проникновение мультикультурного дискурса в пространство публичной политики. С начала 1980-х гг. в Великобритании и 1990-х гг. – в Германии и Франции ссылки на мультикультурализм считаются хорошим тоном и достаточно часто встречаются в публичных выступлениях официальных лиц. В начале 2000-х гг. (по времени это совпадает с событиями 11 сентября) тон выступлений с упоминанием мультикультурализма с восторженного меняется на осторожно взвешенный. В середине 2000-х гг. (когда прогремели взрывы в лондонском метро, шли беспорядки в парижских пригородах) обращения к мультикультурализму

начинают звучать в негативном ключе. В начале 2010-х гг. сразу три упомянутых лидера ведущих европейских государств выступают с открыто критическими речами в отношении концепции мультикультурализма и объявляют о несостоятельности основанной на этой концепции политики.

Выводы, которые предлагались каждым из ораторов, так или иначе сводились к необходимости отказаться от мультикультурного подхода к интеграционной политике как неперспективного и заменить его иным, таким, который в результате даст более качественно интегрированное общество. Качественно интегрированное общество во всех этих речах представлено как самоцель и даже в каком-то смысле залог процветания европейских государств.

Именно в том месте, где политически интегрированное общество предстает в выступлениях европейских политических лидеров как цель сама по себе (а не как часть какой-то более глобальной цели), и кроется, как нам кажется, ключ к пониманию реальных причин неудачи европейской интеграционной политики. С этого момента логично начать процедуру “демифологизации” европейского мультикультурализма.

Возникновение мифа о мультикультурализме в Европе и попытка демифологизации

Мультикультурализм — один из трех вариантов решения проблемы культурной гетерогенности в современном мире. Концепция мультикультурализма в интерпретации ученых⁴ предполагает политически интегрированное общество. Однако если ассимиляционный и сегрегационный подходы к политической интеграции общества предполагают интеграцию через “преодоление гетерогенности”, то мультикультурный — при ее сохранении.

*Ассимиляционная стратегия*⁵ предлагает представителям меньшинств потенциальную возможность формально равноправного с большинством индивидуального участия в политической жизни, ставя, однако, условием фактический отказ от групповой миноритарной идентичности. Результатом успешной реализации этой стратегии становится качественно интегрированное общество, которое по существу является обществом “сплошного большинства”.

*Сегрегационная стратегия*⁶ “преодолевает гетерогенность” путем максимально полного запрета выделяемых групп на равноправное включение в политическую жизнь. Технологически это осуществляется через создание отдельных каналов для коммуникации политических запросов от сообществ выделяемых групп в политическую систему. Выделяемые группы могут быть не только меньшинством, но и большинством, как в ЮАР при апартеиде. Эти каналы устраиваются таким образом, чтобы политические запросы выделяемых групп могли бы выборочно обрабатываться системой (тем самым снимая общественную напряженность), однако у выделяемых групп, в отличие от остальных, были бы сильно урезаны возможности влиять на основы системы и изменять принципы ее работы. В результате реализации сегрегационных стратегий политической интеграции в тех случаях, когда выделяемые группы представляют меньшинство, тоже получается общество политического большинства, но несколько иного типа — его можно было бы назвать “обществом доминирующего большинства”. Представители выделяемых групп в таком обществе сохраняют свою групповую идентичность (и потенциальную возможность когда-то в будущем использовать принадлежность к группе в политических целях), однако по признаку ее наличия оказываются фактически лишенными возможности использовать политическую систему государства, в котором живут, в той же мере, что и остальные.

Реализация *мультикультурной стратегии* интеграции в качестве результата должна обеспечить политически интегрированное общество, которое можно назвать “обществом без большинства”. Мультикультурализм основан на идее равноправного доступа всех этнокультурных групп (и численных меньшинств и численного большинства) к политической системе общества. Такое равноправие обеспечивается через открытие политического устройства к системному влиянию⁷. Именно такая интеграционная политика (сначала

в виде бикультурализма, затем постепенно в виде уже именно мультикультурализма) проводится в считающейся примером интеграционного успеха Канаде⁸.

Можно спорить о том, насколько интеграционная стратегия такого типа, как мультикультурализм, справедлива в принципе, о том, насколько она может подходить государствам переселенческим, таким как Великобритания, Германия или Франция. Есть, однако, вопрос, спорить о котором очень трудно. Это вопрос о том, реализовывалась ли уже такая стратегия в отношении иммигрантских меньшинств в европейских государствах. Потому что ответ практически очевиден.

В европейских странах (в частности, в Великобритании, Германии и Франции) инициативы так или иначе называемые “мультикультурализмом” никогда не были частью стратегии, цель которой определялась бы как открытие политического устройства к системному влиянию, скажем, иммигрантских меньшинств. В отношении этой категории сообществ во всех обозначенных странах “мультикультурализмом” назывались разного рода отдельные меры, которые по сути своей представляли собой социально-экономические и культурные уступки. Практическая задача принятия этих мер, как и при реализации масштабной мультикультурной стратегии, если бы таковая имела место, заключалась, вероятнее всего, в том, чтобы снизить потенциальную напряженность между потенциально заинтересованными в усилении своего политического влияния представителями меньшинств и логично противящимся такому развитию событий большинством населения. Однако, если мультикультурализм теоретический (и эмпирический канадского образца) четко определяет, что задача преодоления напряженности между большинством и меньшинствами устойчиво решается только посредством реального открытия политического устройства к системному влиянию меньшинств, то “мультикультурализм” европейский представлял собой попытку преодолеть напряженность *без* такого открытия.

В информационную эпоху лучший способ выдать одно за другое — способ, который П. Бурдые называл “умением учреждать данность”, “заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира” [Бурдые 2007, 96], иными словами, создавать миф. На практике это может выглядеть следующим образом: не очень значительные с системной точки зрения меры по улучшению социально-экономического положения какой-либо небольшой группы представителей меньшинств сопровождаются широкими заявлениями официальных лиц о том, как прогрессивно в государстве разворачивается политика мультикультурализма.

Такой миф очень удобен для политической элиты тем, что, имея лишь условную связь с политической реальностью, он легко трансформируется в формы, потенциально способные быть положительно воспринятыми любой аудиторией, тем самым позволяя, в терминах Бурдые, эффективно вести “работу по производству и внушению смыслов” [Бурдые 2007, 66], способствующую получению широкой общественной поддержки, абсолютно необходимой в современном государстве.

В Великобритании формально выступавшее⁹ за мультикультурализм лейбористское правительство Т. Блэра сделало максимум для того, чтобы структурно сохранить за большинством монополию на системный доступ к политическому устройству. Пытаясь *одновременно* привлечь на свою сторону этнокультурные меньшинства и сохранить свою политическую популярность в среде большинства (т.е. обеспечить себе поддержку антагонистически настроенных друг к другу групп населения), находившиеся у власти лейбористы активно использовали мультикультурный дискурс. Идеалистические размышления на тему равноценности культур могли прибавить лейбористам очков в глазах представителей меньшинств (они были единственной крупной партией, принимавшей их во внимание). Для представителей большинства партия лейбористов, соответственно, могла выступить как единственная партия, способная налаживать контакты с непонятными и пугающими своей особостью иммигрантскими сообществами.

В результате такой популистской по своей природе и непоследовательной по своей логике политики британская идентичность за период “мультикультурализма” осталась отражением только тех ценностей британского общества, к формированию которых

иммигрантские меньшинства Великобритании не имели доступа, а значит, и не могли считать своими. В этом смысле сохранение их особых политических идентичностей закономерно и понятно. В результате, как отметила Т.С. Кондратьева, “коренные британцы и иммигрантские общины в повседневной жизни не соприкасаются и ничего не знают друг о друге, и это порождает у них взаимный страх” [Кондратьева 2011 web]. Однако собственно мультикультурный подход к этой проблеме отношения не имеет, так как “применялся” только на словах. Британский электорат, однако, в большинстве своем помнит о мультикультурной риторике и логично пребывает в уверенности, что в неинтегрированности британского общества и всех проистекающих из этого проблемах повинен именно мультикультурализм.

Очень любопытный “кейс” в плане мифологизации мультикультурализма представляет собой современная Германия. “Собственно политика мультикультурализма официально в Германии никогда не практиковалась”, – пишет российский исследователь С.В. Погорельская [Погорельская 2011]. Отдельные меры “в духе” мультикультурного подхода (например, прекращение практики обязательной высылки гастарбайтеров на непродолжительное время с тем, чтобы они не могли получить вид на жительство, разрешение на воссоединение семей, распространение детских пособий на семьи иммигрантов и т.д.) принимались разрозненно в связи с необходимостью сократить издержки (привлечение и обучение “новых” иммигрантов, в которых продолжала нуждаться немецкая экономика, обходилось дороже, чем социальное обеспечение “старых”). Нахождение иммигрантов в Германии до буквально последнего времени считалось временным. Люди могли десятилетиями работать в Германии, оставаясь гастарбайтерами. Германия не соглашалась формально стать принимающей страной до начала 2000-х гг.¹⁰ и в последовательной интеграционной программе для инокультурных иммигрантов не нуждалась.

Немецкий социолог Б. Лефлер в работе “Интеграция в Германии. Между ассимиляцией и мультикультурализмом” предложил понятие “фактического мультикультурализма” [Loefler 2011], которое включало в себя “все то, что сложилось в Германии в силу долговременного отсутствия целостных государственных концепций, которые регулировали бы въезд и интеграцию иммигрантов”. Описывая политику в отношении иммигрантских меньшинств в Германии, Погорельская вслед за С. Люфтом [Luft 2009] пользуется термином “мульти-культы”: “...как правило, в немецкой дискуссии говорили не о мультикультурализме, а о “мультикультурном обществе”, сокращая это понятие до мульти-культы” [Погорельская 2011]. Вероятно, суть явления можно было бы выразить понятием “стихийная гетерогенность”, потому что Германия стала культурно гетерогенной словно случайно.

Мультикультурная риторика (но не практика) оказалась в Германии востребованной в наступивший в последнее десятилетие XX в. период общественного “осознания” факта наличия в Германии иммигрантских меньшинств как явления постоянно-го. Правда, уже в начале XXI в. на фоне роста антиисламских настроений в западном мире и под воздействием общего роста озабоченности в Европе угрозой внутреннего терроризма мультикультурная риторика пошла на спад. Ей на смену пришла идея “руководства [немецкой] культуры”, которая вместе с соответствующей программой, представленной как альтернатива неудачному “мультикультурному” подходу, на самом деле просто систематизировала тот “интуитивный” подход к решению проблемы гетерогенности, который в реальности в Германии на современном этапе ее истории доминировал всегда. Суть этого подхода, как и в рассмотренном выше случае Великобритании, сводится к отказу меньшинствам в возможности системно влиять на политическое устройство.

В официальном политическом дискурсе современной Франции мультикультурализм проявился, когда у французской политической элиты возникла острая необходимость объяснить, почему молодые потомки иммигрантов, имеющие французское гражданство и, соответственно, как предполагает французская традиция, все необходимые им для счастливой жизни права, все равно жгут машины в пригородах. Явный

отказ этих молодых французских граждан принять республиканские светские идеалы и ценности (наследие французского просвещения, революции и христианской культуры) вкупе с их открытостью радикальным религиозным идеям и традиционным ценностям правительство Саркози объявило следствием реализации мультикультурного подхода.

Хотя до этого мультикультурная риторика достаточно щедро использовалась (впрочем, больше интеллектуальной элитой, чем политической), в практическом смысле мультикультурный подход к интеграции, вероятно, даже и не мог во Франции быть реализован из-за своего очевидного противоречия республиканской традиции. Французский республиканизм предполагает нейтральность общественной сферы, обеспечиваемую четким разделением общественной сферы и частной¹¹. Французскому государству “запрещено” “видеть” культурную, религиозную или этническую принадлежность индивида, так как такая принадлежность — его сугубо личное (т.е. частное) дело. “Мультикультурализм по-французски”, по всей видимости, проявлялся в недостаточной строгости соблюдения этого положения на практике на рубеже веков. В частности, государство некоторое время “смотрело сквозь пальцы” на более публичное, чем это принято у французов, проявление религиозной принадлежности своих мусульманских граждан. В результате этого, как считается, молодые выходцы из мусульманских семей сформировали некую особую идентичность, которая противопоставляет их французскому обществу и его традициям и создает проблемы для их интеграции.

Стремясь исправить указанный “просчет”, нынешняя политическая элита особенно настаивает на том, чтобы государство взаимодействовало только с гражданами, индивидами вне контекста их культурной принадлежности. Как пишет И.С. Новоженова: “В процессе интеграции во Франции участвуют две стороны: индивид-иммигрант и государство, посредничество иммигрантских сообществ исключается” [Новоженова 2011, 82].

Во Франции, как и в двух других рассмотренных странах, вместо действительной попытки сделать государство общим (что было бы возможным при условии действительного обеспечения равного доступа к политической системе всех граждан), власти всегда пытались извне навязать некоторым из французских граждан образ жизни и цели, к участию в определении которых сами эти граждане не допускались. Понятно, что с мультикультурным подходом этот образ действий имеет очень мало общего. Французский мультикультурализм — еще один миф.

О природе мифа

После сказанного может сложиться впечатление, что “мультикультурализм” в европейских странах — это миф, который был сознательно выработан европейскими элитами и затем использован ими для того, чтобы, как пишет К.Ф. Завершинский, добиться от общества ценностной легитимации политического процесса [Завершинский 2008, 111].

С.П. Поцелуев писал, однако, что мифы относятся к так называемому третьему варианту символической политики, тому, который “практикуется одновременно и сверху, и снизу” [Поцелуев 1990, 69]. Это, как нам кажется, предполагает, в частности, что рождение и распространение политического мифа является не просто реализацией воли элиты, но также и ответом на существующий в обществе запрос. В пользу того, что такая странная, “мифическая” интеграционная политика была предложена именно в ответ на общественные чаяния (и в данном случае, учитывая монопольное право на взаимодействие с политической системой — на чаяния большинства), говорит форма политической системы тех обществ, которые мы рассматриваем. Ведь все три государства — современные (модерные) государства-нации со свойственным для этой формы политической системы способом легитимации власти.

Состоятельность политической элиты (как и самого государства, в конечном итоге) в такой системе напрямую зависит от того, насколько адекватно она способна оценить и выполнить общественные запросы. В этом смысле стратегия изобретения

какого-то смыслового “выхода” политической системы совсем вне контекстов общественного запроса, т.е. “из воздуха” была бы крайне рискованной. Гораздо более логичным представляется здесь классическое популистское выяснение общественных потребностей и последующая попытка эти потребности удовлетворить (пусть и с максимальной выгодой для себя). Миф о мультикультурализме, таким образом, со значительной вероятностью является результатом преломления общественного запроса через интересы элиты.

Довольно показательной в этом смысле предстает история, которую в статье, посвященной дискурсивным факторам влияния на восприятие концептов, приводят О.Д. Вишнякова и Д.М. Костина [Вишнякова, Костина 2012]. История эта, приведенная в интерпретации английской газеты, посвящена дню мусульманской культуры в одной из британских начальных школ. В этот день все ученики и учителя школы должны были одеться в традиционную мусульманскую одежду. По информации журналистов, 257 учеников (из которых большинство — христиане) и 41 учитель (только двое из которых мусульмане) оделись соответствующим образом и участвовали в посвященных дню мусульманской культуры школьных мероприятиях, организация которых предполагала соблюдение мусульманских традиций. По словам директора школы, к которому журналисты обратились за пояснением, “никто не жаловался”, однако проинтервьюированный родственник кого-то из учителей сказал, что “не все довольны, однако никто не хочет рисковать своей работой”.

В контексте наших рассуждений любопытным представляется то, что отмеченная Вишняковой и Костиной сдержанно-позитивная позиция в отношении мультикультурализма была высказана директором школы в качестве официальной, а негативная — неназванным родственником одного из учителей. Положительная оценка мультикультурализма здесь выглядит как то, что “должно быть” на людях, в то время как негативная оценка предстает такой, которой люди придерживаются “на самом деле”, однако открыто об этом не говорят.

Очень похоже, что миф о мультикультурализме в рассмотренных европейских государствах стал ответом со стороны политической элиты на общественный запрос, который можно было бы сформулировать как желание “не быть, но казаться”. Европейцы, по всей видимости, хотели считать себя толерантными, в реальности проживая в обществах большинства, и благосклонно относились к тем, кто такой миф готов был для них создавать и поддерживать.

Само по себе желание “не быть, но казаться” в контексте политическом со времен Макиавелли плохим не считается. Плохо то, однако, что многими это мифическое европейское “желаемое” было принято за имевшее место в реальности “действительное”. Плохо это потому, что в реальности ни одному из европейских государств не удалась их какая-то особая, специфическая “интеграционная” политика, а доверие, как в Европе, так и за ее пределами, утратил мультикультурализм.

Чем опасно политическое мифотворчество

На примере европейского “мультикультурного” проекта интеграционной политики опасности политического мифа вырисовываются достаточно ярко: мы видим, что такой миф, искажая восприятие настоящего, способен повлиять на выбор будущего. Когда замифологизированное политическое пространство выдается за пространство реальности, компетентный, взвешенный выбор очень затруднителен, что, в конечном итоге, оборачивается снижением способности общества адекватно управлять своим развитием. В наш век соревновательного прогресса особенно важно должным образом оценить серьезность этой опасности.

Созданный на основе отталкивания от реальности политический миф заключает в себе некий смысл или, скорее, набор смыслов, которые при недостаточно внимательном анализе предстают в качестве составной части реальности. В случае рассмотренного нами европейского “мультикультурализма” мифическая мультикультурность европейских интеграционных практик достаточно прочно связалась с эмпирическим явлением

мультикультурализма (во всех страновых и временных контекстах) и мультикультурализмом как “явлением теоретическим”, т.е. концепцией мультикультурализма. Впоследствии, как мы можем наблюдать сегодня в политологической литературе и в политической риторике официальных лиц (как внутри Европы, так и за ее пределами), мультикультурализм как политическое и теоретическое явление оказывается прочно связанным с провалами интеграционной политики в Европе, несмотря на то, что объективно наличие этой связи не подтверждается.

Понятно, что предлагать заведомо непопулярный проект в государстве, где политическая популярность (и личный успех) определяется общественным мнением, удел ничтожно малого числа представителей элиты. Трагично в таких условиях будет однажды осознать, что именно мультикультурализм (по существу, а не дискурсивно) объективно наиболее адекватный интеграционный подход для европейских обществ. Потому что впоследствии “демифологизировать” проект или явление в общественном сознании сложно. Мифические смыслы оказываются в искаженном содержании называемого явление понятия тесно переплетены со смыслами реальными. Здесь кроется опасность того, что потенциально полезный для общественного развития проект окажется преждевременно приговоренным остаться на периферии истории, а выбирать общество будет уже между заведомо менее удачными вариантами развития.

Есть и еще одна опасность, которая в отношении многих политических замифологизированных проектов (мультикультурализма, в частности) уже стала реальностью. Дискурс, по известному замечанию Т. ван Дейка, “обладает потенциалом вербальной дискриминации” [Дейк 2013, 127]. Даже не будучи рационально обоснованным, широко провозглашенный элитой и воспринятый обществом отказ от какого-либо политического проекта влечет за собой заметное сворачивание дискуссий о нем и его альтернативах, их сильных и слабых сторонах. В результате качество и “выигравших” проектов снижается, потому что при необходимости их более серьезной аргументированности пропадает, а значит, снижается и политический заказ на их исследования.

Главный вывод из всего вышесказанного представляется следующим: если при анализе происходящего в политическом пространстве не отдавать себе отчета в его замифологизированности, результаты такого анализа для науки и общественного развития будут в лучшем случае бесполезны, а в некоторых случаях и просто вредны.

В государствах модерна, важнейшей характеристикой которых является легитимация государства и власти обществом, политические мифы иногда выполняют очень важную функцию “обеспечения исторической преемственности и поддержания политической идентичности”, как об этом пишет К.Ф. Завершинский [Завершинский 2015, 18–19], т.е. фактического “скрепления” этого общества, что необходимо ему для того, чтобы быть состоятельным субъектом политики (т.е. мочь легитимировать государство и власть). Но важно помнить, что миф может выполнять еще и другие функции *одновременно* с этой. Завершинский справедливо отмечает, что авторы (см., например, [Савельев 2003; Шестов 2005]), занимающиеся исследованием проблематики политических мифов, склонны либо подчеркивать “позитивную роль политического мифа”, либо критиковать его “негативные (манипулятивные) последствия”. Нам представляется, что вредны не сами по себе мифы, вредно то, что люди (среди которых встречаются и ученые, и политики и, конечно, обыватели) часто не отдают себе отчета в том, насколько неизбежно замифологизированным является политическое пространство современных государств, и, соответственно, не берут на себя труд его демифологизировать, приступая к анализу происходящих в нем событий. Делать это нужно независимо от того, считаем мы миф полезным или нет, иначе итоги наших попыток управлять на основе наших нереалистичных познаний своим общественным развитием могут быть плачевными.

Примечания

¹ Под политическим проектом понимается перспективный план организации политического пространства в обществе модерна, основанный на идее, а не на опыте. Мировая история уже стала свидетельницей реализации на политическом уровне в целом ряде обществ, например, проекта светского государства, идеологических его вариаций – либеральной и социалистической; в некоторых обществах имело место попытка реализовать проект мультикультурный и т.п. В обществах традиционных политическое пространство организуется на основе традиции, т.е. опыта.

² Политический миф в контексте данной статьи – это “полуправдивая”, т.е. содержащая в себе элементы реальности, однако все же искажающая действительность интерпретация политического явления. Миф как “полуправда” встречается в научных работах [Киселев 2012; Гигаури 2015] и др. Проблема замифологизированности, в свою очередь, видится как проблема неразделения правды (реального) и “полуправды” или мифа (реального в симбиотической связи с вымышленным).

³ Впервые слово “мультикультурный”, означающее принадлежность не к какой-то одной культуре или религии, но к человечеству в целом, было использовано американским автором Эдвардом Хаскеллом в его произведении “Ланс: роман о мультикультурных людях”, изданном в 1941 г. В этом произведении автор пытался предложить ответ на вопрос о том, должны ли американцы участвовать в “европейской” войне [Haskell 1941].

⁴ Классическая теория мультикультурализма подразделяется на два идейных лагеря: лагерь “коммунитаристов”, одним из ярких представителей которого можно назвать Ч. Тейлора [Taylor 1992] и лагерь “либералов”, самым известным представителем которого является У. Кимлика [Kumlicka 1995; Kumlicka 2009]. Несмотря на серьезные расхождения по целому ряду вопросов, всех ученых-мультикультуралистов так или иначе объединяет тезис о равноценности культур и основанный на этом тезисе принцип обеспечения равного доступа всех групп к политической системе.

⁵ Представление о классическом ассимиляционном подходе можно получить в работах являющегося автором концепции семи стадий ассимиляции М. Гордона [Gordon 1964]. “Новая”, более “мягкая” теория ассимиляции представлена в работах Р. Альбы и В. Нейе [Alba, Nee 2005].

⁶ Работа американских исследователей Масси и Дентона по истории сегрегации в США [Massey, Denton 1993] дает в целом неплохое представление о сегрегационной стратегии.

⁷ Под системным влиянием имеется в виду возможность не только “сообщать” политической системе свои социально-экономические и политические запросы, но и определять сами принципы ее работы.

⁸ Эволюцию в исследованиях политических аспектов канадской гетерогенности можно проследить по следующим работам Дж. Портера [Porter 1965], Дж. Дженсона [Jenson 1995], У. Кимлика [Kumlicka 1998], Ф. Роше и М. Смит [Rocher, Smith 2003], М. Мартела [Martel 2008].

⁹ В октябре 2009 г. Э. Низер, бывший спичрайтер премьер-министра Т. Блэра и советник министров внутренних дел Дж. Стро и Д. Бланкета сделал вызвавшее скандал заявление, в котором “открыл”, что “истинную” причину приверженности идеологии мультикультурализма среди политиков-лейбористов следует искать не в их “убеждении, что успешная интеграция иммигрантов в общество в случае сохранения ими их собственной, отличной от британской культуры возможна, и для Великобритании это – норма”, как говорил Т. Блэр в речи для журналистов 8 декабря 2006 г., а в простом желании долго оставаться в правительстве. Очень любопытное с фактологической точки зрения расследование лейбористской иммиграционной и социальной политики содержится в статье Н. Уатта и П. Уинтура для “Гардиан” [Watt, Wintour 2015].

¹⁰ Закон об иммиграции был принят в Германии только в 2004 г.

¹¹ О том, что такое французская правовая нейтральность можно судить по небольшой, но очень толковой работе французского правоведа Н. Рулана [Rouland 2000].

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Бурдьё 1993 – Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993 (Bourdieu P. *The Sociology of Politics*. Selected works in Russian translation).

Бурдьё 2007 – Бурдьё П. О символической власти // Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96 (Bourdieu P. *Sur le pouvoir symbolique*. Russian translation).

Вебер 1990 – Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990 (Weber M. *Politik als Beruf*. Russian translation).

Primary Sources

- Gordon, Milton M. (1964) *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins*, Oxford University Press, NY.
- Haskell, Edward F. (1941) *Lance: A Novel About Multicultural Men*, The John Day Company, NY.
- Kymlicka, Will (1995) *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford University Press, NY.
- Kymlicka, Will (1998) *Finding Our Way: Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*, Oxford University Press, NY.
- Kymlicka, Will (2009) *Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity*, Oxford University Press, NY.
- Porter, John (1965) *The Vertical Mosaic: An Analysis of Social Class and Power in Canada*, University of Toronto Press, Toronto.
- Taylor, Charles (1992) “The Politics of Recognition”, C. Taylor., K.A. Appiah, J. Habermas, S.C. Rockefeller, M. Walzer, S. Wolf, A. Gutmann, *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*, Princeton University Press, Princeton.

Ссылки — References in Russian

- Вишнякова, Костина 2012 — *Вишнякова О.Д., Костина Д.М.* О влиянии дискурсивных факторов на формирование оценочных характеристик концепта “multiculturalism” в британском лингвокультурном социуме // Научные ведомости БелГУ. Серия гуманитарные науки. 2012. № 6 (125). Выпуск 13. С. 67–73.
- Гигаури 2015 — *Гигаури Д.И.* Политический миф и ритуал как социокультурные основания символической политики // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 3. С. 91–98.
- Дейк 2013 — *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Завершинский 2008 — *Завершинский К.Ф.* “Имперский” ритуал в политико-культурной динамике современного российского социума // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008.
- Завершинский 2015 — *Завершинский К.Ф.* Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 2. С. 16–25.
- Киселев 2012 — *Киселев К.В.* Динамика символической политики власти в электоральном цикле 2011–2012 гг. // ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 4. С. 205–217.
- Кондратьева 2011 web — *Кондратьева Т.С.* Великобритания в ловушке мультикультурализма // http://www.perspektivy.info/book/velikobritaniya_v_lovushke_multikulturalizma_2011-10-07.htm.
- Кэмерон 2011 — Речь премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона на Конференции по Безопасности в Мюнхене в 2011 г. // <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130102224134/http://www.number10.gov.uk/news/pms-speech-at-munich-security-conference/>.
- Меркель 2010 — Выдержка из выступления канцлера Германии Ангелы Меркель на собрании молодежной организации Христианско-демократического союза (ХДС) в Потсдаме в 2010 г. // https://www.youtube.com/watch?v=UKG76HF24_k.
- Новоженова 2011 — *Новоженова И.С.* Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 79–117.
- Погорельская 2011 — *Погорельская С.В.* Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 79–117.
- Поцелуев 1990 — *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констелляция понятия для подхода к проблеме // Полис. 1990. № 5. С. 65–75.
- Савельев 2003 — *Савельев А.Н.* Политическая мифология. М.: Логос, 2003.
- Саркози 2011 — Выдержка из телевизионного интервью Президента Франции Николя Саркози в 2011 г. // <https://www.youtube.com/watch?v=zj41TDPFW50>.
- Цуладзе 2003 — *Цуладзе А.М.* Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003.
- Шестов 2005 — *Шестов Н.И.* Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2005.

On the Danger of Political Myths for Societal Development (the Example of the Multiculturalism Myth in Europe)

Anna V. Veretevskaya

The article is concentrated on a pressing problem of distinguishing between myths and reality in the political sphere. The author seeks to explain specific nature of this problem in the context of modernity when societies make the choice of their political and socio-economic future by supporting one of the many political programs or ‘projects’ offered by politicians. Since modernity is characterized by a constant collision of private and public interests in the political sphere, it is full of myths. Hence it is very hard for modern societies to make good choices and manage their development. The myth of multiculturalism in Europe is used to show possible negative consequences of overly mythologized political sphere. The author reaches the conclusion that regardless of the fact that myths sometimes play important political roles, they need to be recognized as myths at least by the academic community so that they would cease making way to political analysis and transform its results which consequently leads to transforming the choices modern societies make based on these results of such analysis.

KEY WORDS: political myth, multiculturalism, Europe, integration.

VERETEVSCKAYA Anna V. – CSc in Philosophy, assistant professor at the Comparative politics department of MGIMO-University MFA of Russia, Moscow, Russia.

anna.veretevskaya@gmail.com

Received at December 12, 2017.

Citation: Veretevskaya, Anna V. (2018) “On the Danger of Political Myths for Societal Development (the Example of the Multiculturalism Myth in Europe)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2018), pp. 52–64

References

Alba Richard D., Nee, Viktor (2005) *Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration*, Harvard University Press, Cambridge, pp. x–xi.

Chin, Rita (2017) *The Crisis of Multiculturalism in Europe: A History*, Princeton University Press, NY.

Jenson, Jane (1995) “Citizenship Claims: Routes to Representation in a Federal System”, Knop K., Ostry S., Simeon R., Swinton K. (eds.), *Rethinking Federalism: Citizens, Markets and Governments in a Changing World*, UBC Press, Vancouver, pp. 99–118.

Kenan, Malik (2017) “The Failure of Multiculturalism”, *Foreign Affairs, Web.*, 28 Nov. 2017, <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/failure-multiculturalism>.

Loeffer, Berthold (2011) *Integration in Deutschland. Zwischen Assimilation und Multikulturalismus*, Verlag R. Oldenbourg, Muenchen.

Luft, Stefan (2009) *Staat und Migration. Zur Steuerbarkeit von Zuwanderung und Integration*, Campus Verlag, Frankfurt a.M.

Martel, Pierre (2008) “The Law of Numbers: The New Demographic Profile”, Plourde, Michel, Georgeault, Pierre (eds.), *The French Language in Quebec: 400 Years of History and Life*, Toronto University Press, Toronto, pp. 163–171.

Massey, Douglas, Denton, Nancy (1993) *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*, Harvard University Press, Cambridge, MA.

Rocher, François, Smith, Miriam (2003) “The Four Dimensions of Canadian Federalism”, Rocher F., Smith M. (eds.), *New Trends in Canadian Federalism*, Broadview Press, Peterborough, pp. 21–44.

Rouland, Norbert (2000) “Le droit français devient-il multicultural?”, *Droit et Société*, Vol. 46, pp. 519–545.

Watt, Nicholas, Wintour, Patrick (2015) “How immigration came to haunt Labour: the inside story”, *The Guardian*, 24 Mar. 2015, <https://www.theguardian.com/news/2015/mar/24/how-immigration-came-to-haunt-labour-inside-story>.

Williams, Walter E. (2016) “Multiculturalism: A Failed Concept”, *The New American*, 29 Jun 2016, <https://www.thenewamerican.com/reviews/opinion/item/23528-multiculturalism-a-failed-concept>.